

Среди воевавших было поверье: заполнить медальон – все равно что подписать себе смертный приговор

ОКОПНАЯ ПРАВДА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛИ

КАК УЖЕ СООБЩАЛОСЬ, наш корреспондент в составе магнитогорского поискового отряда «Рифей» участвовала во Всероссийской вахте памяти. Сегодня мы начинаем публиковать ее «Дневник поисковика».

25 апреля 2008 года.

– Никак в лес собрались? – осторожно спросил таксист после моего облегченного вздоха: «Кажется, все взяла и все в порядке».

Я в парадно-выходном камуфляже, на заднем сиденье большая дорожная сумка, ногами обнимаю битком набитый рюкзак с торчащими с одного бока пенкой, с другого – саперной лопаткой.

– В лес. И надолго, и почти за две тысячи километров. Но не отдыхать, а работать. Еду в составе поискового отряда.

– Что находите?

– Брошенные в лесах останки бойцов Великой Отечественной – ради них и едем. Возможно, чью-то фамилию вычеркнем из списка пропавших без вести, если найдем медальон.

– Такое украшение что ли?

– Хм... Вы еще спросили бы, как некоторые, золотой он или серебряный... На войне не до украшений... Это маленький раздвижной черный цилиндрок, в который каждый боец должен был поместить вкладыш с полной информацией о себе. Однако среди воевавших было поверье: заполнить медальон – все равно что подписать себе смертный приговор. Зимой 42-го медальонную систему отменили, но там, где мы будем копать – в местах многократных попыток прорыва блокады Ленинграда, есть шанс найти медальоны...

– Ваши стоят? – таксист кивает головой в сторону телекамер и людей в камуфляже.

Долгие напряженные сборы, и два поисковых отряда, «Рифей» и «Феникс», готовы к погрузке в автобусы – до Челябинска, потом поездом – до Волхова. Нас провожают не только родные и друзья, но и ставшие близкими за предыдущие Вахты памяти «старички» – бывшие поисковики. Крепко с ними обнимаемся, слышим пожелания удачи и «берегите себя». К месту сбора подходят представители союза молодых металлургов (в составе «Рифея» два работника ММК), отдела по делам молодежи, союза ВДВ и спецназа. Своих ребят провожают преподаватели строительного колледжа: треть сводного поискового отряда командирована директором, имя которого совсем недавно скандально гремело в СМИ. Не знаю, что страшного натворил Виктор Шнейдер, но до появления два года назад отряда «Феникс», куда входят историки из МаГУ, только одно учебное заведение через поисковую деятельность занималось патристическим воспитанием: ребята из МСК на протяжении многих лет составляли костяк «Рифея»...

– Строиться! – командует Люба Щербина, и в кривую шеренгу вразвалочку встают 26 человек, половина из которых «новички».

– Н-да, – протягивает иронично командир, – отряда пока нет, все только впереди...

26 апреля.

Весь день в поезде. Ребята знакомятся друг с другом, я увлечена чтением военно-документальной

ФОТО АВТОРА

литературы про оборону Ленинграда и те места, на которых нам предстоит работать. Небольшую лекцию об этом прочитал преподаватель истафка МаГУ Артем Любецкий, возглавляющий «Феникс».

За первые два года войны немцы организовали на подступах к Северной столице сильные оборонительные укрепления. В результате их наступления появился Шлиссельбургско-Синявинский выступ шириной 15 километров, который Советская Армия безуспешно штурмовала. На каждый километр приходилось примерно 140 огневых точек противника. Воевать в тех местах было крайне тяжело: кругом болота, торфяные разработки, не столько численное, сколько техническое превосходство врага. Потери были огромными. Одна большая операция за другой буквально пожирала

наши дивизии, в которых оставались единицы бойцов. Одну маленькую роту, надежно укрепленную немцами, безрезультатно брали два-четыре месяца. Окончательный провыв Синявинского рубежа произошел только в январе 1943 года, Ленинградский фронт соединился с Волховским. Жители деревень, для которых оккупация продлилась до начала 44-го, страдали порой не меньше фронтовиков. Из актов расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «Из Мгинского района угнано 41 тыс. 24 человека. В Мгинском, Синявинском, Анненском, Ивановском, Пореченском и Березовском сельсоветах население отсутствует...»

27 апреля.

Около полудня делаем двухми-нутный марш-бросок из поезда на

станцию Волховстрой, поисковики-малыши из соседнего вагона задержались на столько же. На станции закупили продукты, пересели на электричку до деревни Апраксин.

– Никого коренных-то тут и не осталось, милая, – говорит пожилая тетка Валя, привыкшая с конца апреля встречать у продуктовых магазинов ребят в пятнистой форме. – Разрушенную деревню восстанавливали заново. Говорят, убитые свисали даже с проводов... Сейчас тут одни дачники.

Четыре километра пешком от деревни, и мы на поляне, которую наши ребята занимали в прошлом году. «Старички» радуются: костровище, стол, опоры под тент на случай дождя, мостик через речку Черную – все в целости и сохранности. Но придется немало потрудиться над обустройством лагеря: таким большим составом Магнитка никогда не выезжала. Молча переоделись в «рабочку» и стали возводить на полянке поисковый городок. Вечером на огонек заглянули тамбовцы, стоящие в километре от нас.

– Мы тут неделю. С работой плохо. Только доборы останков, полностью ни одного бойца не подняли...

Однако наши не сникли. После ужина, несмотря на усталость, гоняли на полянке мяч с Кировскими и Челябинскими парнями. Последние, как оказалось, из мало знакомого Еманжелинска, и только несколько человек в их отряде из областного центра. Мы улыбнулись, но ехидничать не стали – все ж земляки.

28 апреля.

Сегодня первый день работы. Четверо дежурных и один заболевший остались утром в лагере, остальные пошли на высоту Огурец минут в пятидесяти от стоянки. Долго шли по насыпной дороге. Подумалось: по фронтовой в 41–43-м году так спокойно не ходили. Достаточно свернуть немного в сторону и на тебе! – воронки, каски, разорвавшиеся хвостушки, снаряды...

У дорожной развилки на бывшую деревню Гайтолово показались высокие железные ворота, связанные цепью, табличка «проезд запрещен». Легко обходим их, а впереди пустошь и две заброшенных постройки, напоминающие не то бараки, не то свинарники. Когда-то здесь был 61 двор, а сейчас о присутствии человека намекает привязанная на цепь собака, которая провожает нас лаем. Наконец, подходим к гранитному мемориалу в память о жителях несчастной деревни, захваченной и разрушенной немцами: «Здесь в сентябре 41-го советские войска остановили врага и удерживали рубежи обороны до разгрома захватчиков под Ленинградом в январе 44-го». Идем по тропинке, вытоптанной поисковиками среди сопок мертвой деревни, впереди предупреждают: «Осторожно, колющая проволока!», на душе скребут кошки. Кто знает, кто и что под сухой травой да нашими ногами и как глубоко лежит...

Пришли на линию окопов Огурца, на которой в прошлом году работали. Каждый «старичок» взял себе одного-двух «новичков», и группы разбрелись. Где и на какой глубине стоит прощупывать землю, как шупом отличить звук железа от камня – им показали, а чем отличается звук корней деревьев от стука по костям – узнали единицы. В тот день было только пять добо-

ров черепа, берцовых костей и ни одного настоящего зацепа, хотя окопы были глубиной почти в полный рост. Те, кто с энтузиазмом взялись за миноискатель – его нам предоставила инженерно-техническая группа Магнитогорского ОМОНа, чуть не оглохли к концу дня: аппарат подавал сигналы буквально на каждом шагу. Намахавшись саперкой из окопа, отдыкала и думала о несбыточном: вот бы чудо-останкоискатель изобрели... Куда ни ткну шупом – гильзы, осколки, патроны. И так – весь день. Кроме железа наша кусочки проволоки связиста да пожелтевшую стопочку маленьких бумажек, чудом сохранившихся в песчаном грунте. Сообща решили – под табачком листочки. Во время перекура в качестве «экскурсии» сходила с парнями на болото прощупать затонувший там танк. На сухой поверхности только ржавый бак и разорванные железные фрагменты. Интересно, сколько еще таких находок скрывают Синявинские болота и сколько солдат и офицеров нам никогда не поднять из болотной жижи?..

29 апреля.

У меня сегодня подъем в шесть утра. Так рано встают только дежурные – чтоб успеть сварить завтрак, нагреть воды, приготовить в раскоп на обед рюкзаки с чаем, консервами и хлебом. Решили: будем варить пшеничную кашу со сгущенкой и изюмом-курагой. Долго соображала: хватит ли двенадцатилитрового катана на такую ораву и сколько класть в воду крупы? Отряд подняли в восемь, в девять проводили три группы в разных направлениях. Завтракая и грея на солнышке спины, говорили о войне. Семнадцатилетний Валек Дятлов из МСК – рукастый, открытый, дружелюбный парняга – рассказал, как ездил в Белоречанам в поисковую командировку в Белоруссию. К сожалению, к работе отряд не допустили, потому что накануне их приезда произошел несчастный случай: кто-то из поисковиков подорвался на mine в лесу. Вместо поиска парни прошли по местам боевой славы, побывали в Брестской крепости. На месте многочисленных сожженных оккупантами деревень как напоминание о трагедиях – печки-обелиски...

К семи вечера стали подтягиваться наши из леса. Работали с азартом, а результат – только четыре добора. Заметно – копать устали. Новички держатся и ждут посвящения в поисковики. Командир отвечает: «Пока не найдете солдата, посвящения не будет». Как соль на рану – сводный Кировский отряд из пятидесяти человек поднимал блиндажи и нашел медальон с целым заполненным вкладышем: пропавший без вести – из Тамбовской области. Тут же сбегали через наш лагерь «к Тамбову», а те передали данные о солдате в свой военкомат.

ЛЮДМИЛА БОРЮШКИНА.

Продолжение следует.

Из словарика поисковика:

Новички – ребята, которые впервые едут на Вахту памяти.

Доборы – фрагменты останков солдат.

Хвостушки – минометные снаряды.

Зацеп – нахождение останков без выкапывания их из земли.